

Люди Цзян Лужаня начали расследование с лавки, где господин Янь покупал товары, и постепенно вышли на стражников у ворот дворца, которые незаконно провозили запрещённые предметы, а также на евнухов, пронесивших вещи внутрь. К вечеру стало ясно, что большая часть того, что сказал господин Янь, была правдой.

Однако, как чиновник, Цзян Лужань не мог войти во дворец ночью, и он долго размышлял, стоит ли ему немедленно отправиться туда, чтобы обыскать вещи Яо-эр.

Согласно правилам и этикету, он, конечно, не должен был появляться во дворце в такое время, будучи чиновником и мужчиной. Но сегодняшнее расследование уже вызвало переполох, и даже если он постарается действовать осторожно, это не поможет.

Дворцовые дела похожи на огромную паутину: малейшее движение в одном месте быстро становится известно всем.

Когда он начал расследование в отношении стражников у ворот и евнухов, провозивших запрещённые предметы, это уже вызвало переполох. Если он не сможет обыскать Яо-эр сегодня вечером, то к утру все доказательства, которые могли бы быть найдены, уже будут уничтожены.

Цзян Лужань оказался в затруднительном положении, решая, стоит ли просить разрешения войти во дворец.

Первоначально он был уверен, что должен войти, но его подчинённые посоветовали ему остановиться.

В конце концов, после дневного расследования они уже доказали невиновность наложницы Юнь, и не так уж важно, что делать с Яо-эр.

Зачем идти во дворец, чтобы противостоять людям великой вдовствующей супруги Сюй, рискуя навлечь на себя гнев тирана и самой великой вдовствующей супруги?

Великая вдовствующая супруга Сюй была приёмной матерью князя Цзя Цзин И, зачем наживать себе врагов среди всех влиятельных людей?

Для них это было совершенно ненужным делом, можно было закрыть глаза на это, освободить наложницу Юнь, а с Яо-эр поступить как получится, и вернуться к расследованию дела о вырезанных сердцах.

Такие грязные методы клеветы и интриг во дворце им не под силу, да и не по карману.

Навлечь на себя гнев тирана означало навлечь гнев великой вдовствующей императрицы, а затем и великой вдовствующей супруги Сюй, что, в свою очередь, означало гнев князя Цзя Цзин И. Зачем это нужно?

Цзян Лужань всегда считал себя человеком с чёткими принципами, но после таких советов от подчинённых он тоже начал сомневаться.

В конце концов, их предложение было разумным.

Не обращать внимания на Яо-эр, освободить наложницу Юнь, продолжить расследование дела о вырезанных сердцах и свести к минимуму последствия. И это не их вина, ведь чиновники не могут входить во дворец ночью, поэтому уничтожение доказательств Яо-эр было оправданным.

В тот момент, когда Цзян Лужань оказался в тупике, из дворца пришёл указ, вызывающий его внутрь.

Это дало ему законный повод войти во дворец.

Цзян Лужань на мгновение оцепенел, но быстро сообразил.

Если раньше тиран был готов защитить наложницу Юнь, навлекая на себя гнев великой вдовствующей императрицы, то теперь он, конечно, мог пойти на конфронтацию с великой вдовствующей супругой Сюй ради наложницы Юнь.

А он, Цзян Лужань, вероятно, станет инструментом в этой конфронтации.

Раньше ему было трудно сделать выбор, но теперь тиран сам сделал его за него.

Оказавшись в безвыходном положении, он мог только покориться судьбе.

Хочет он этого или нет, но он должен подчиниться указу.

Поняв, что замышляет тиран, Цзян Лужань, войдя во дворец, не стал тратить время на встречу с ним, а сразу отправился с людьми в покои личной служанки великой вдовствующей супруги Сюй, Яо-эр, и приказал провести обыск.

Как и ожидалось, в покоях Яо-эр нашли те самые предметы, о которых говорил господин Янь. Хотя ткань, использованная для клеветы на наложницу Юнь, не была обнаружена, неподалёку от покоев нашли кучу пепла.

Эти вещи, вместе с предыдущими показаниями, были достаточными доказательствами невинности наложницы Юнь.

И они также доказали, что Яо-эр оклеветала наложницу.

Теперь оставалось только выяснить, будет ли Яо-эр обвинять великую вдовствующую супругу Сюй.

Цзян Лужань вспомнил о своём пари с тираном и почувствовал горькую иронию.

Он всегда считал себя честным и справедливым чиновником, с момента, как стал заместителем главы Палаты Дали, и всегда презирал таких людей, как глава Палаты Сюй Мэн, считая их подхалимами и паразитами при дворе.

Но теперь, оглядываясь назад, он понял, что был хуже них.

Они, как флюгеры, примыкали к сильным мира сего, злоупотребляли властью и процветали.

А он, единственный раз злоупотребив своей властью, сделал это ради князя Цзя, к которому не имел никакого отношения, и сам оказался в ловушке.

Видимо, нельзя нарушать принципы справедливости, даже если это всего лишь один раз, иначе будешь наказан.

Цзян Лужань махнул рукой, приказав подчинённым увести Яо-эр, но едва они схватили её, как снаружи раздался голос, объявляющий о прибытии великой вдовствующей супруги Сюй.

Сегодня Дуань Юньшэнь провёл день тихо и спокойно, его не допрашивали, и никто не приходил поболтать.

Он не рискнул прикоснуться к еде и чаю, боясь, что их снова отравят.

Но даже так он знал, что его смерть близка.

Без тирана он действительно умрёт!

Сегодняшнее задание по продлению жизни, вероятно, могло быть выполнено только в том случае, если бы у него выросли крылья.

Конфеты с кедровыми орешками он тоже не съел, не спрашивайте, просто он съел слишком много, и его мучила жажда. Сначала он думал сдать, ведь всё равно не доживёт до полуночи, но потом подумал: а вдруг? Вдруг тиран успеет вызволить его до полуночи?

Мечтать всё же стоит.

Из-за жажды и голода он не мог заснуть и лежал с открытыми глазами, ожидая смерти в полночь.

Но когда снаружи пробили три удара колокола, он не почувствовал никакого дискомфорта.

Дуань Юньшэнь пролежал на кровати ещё немного, затем резко вскочил, ущипнул себя за щёку, чтобы убедиться, что он действительно жив, и на мгновение усомнился, не обманула ли его система.

Может быть, не нужно целовать тирана, чтобы продлить жизнь? Может, без этого не умрёшь?

Но он несправедливо обвинил систему, ведь он остался жив только потому, что выполнил задание во сне прошлой ночью.

Пока он спал, какой-то тиран прокрался и украдкой поцеловал его.

Дуань Юньшэнь убедился, что он жив, и радостно перекатился на кровати, счастливый, что самый большой кризис миновал.

Но после этого его живот начал урчать, и он перестал радоваться, обняв одеяло и поняв, что теперь у него есть выбор: умереть от отравления или от голода.

Ни один из вариантов не выглядел приятным.

Он молча посидел немного, затем встал, встряхнул одеяло и залез обратно в постель, решив, что обо всём подумает завтра. Умирать от отравления или голода — это заботы завтрашнего дня, а ленивец не должен беспокоиться о завтрашнем дне.

Но от голода он никак не мог заснуть, ворочаясь на кровати, как блин на сковороде, и ближе к полуночи услышал лёгкий щелчок у своего окна. Дуань Юньшэнь мгновенно насторожился и вскочил с кровати.

Человек в чёрном, пытавшийся проникнуть через окно, увидев, что Дуань Юньшэнь ещё не спит, на мгновение замер, но продолжил лезть внутрь.

Дуань Юньшэнь узнал этого человека.

Это был телохранитель белой луны тирана, в маске из чёрного дерева, с коробкой еды в руке.

...

Коробка еды!

Для меня?

Уууу, белая луна тирана — настоящая бодхисаттва! С этого дня он станет белой луной в сердцах нас обоих!

Его телохранитель тоже бодхисаттва, он — самая яркая звезда рядом с белой луной!

Дуань Юньшэнь сразу же соскользнул с кровати, не здороваясь, протянул руку за коробкой:

— Это для меня?

Тот помолчал, затем ответил:

— Да.

Дуань Юньшэнь взял коробку, сел за стол. В комнате уже погасили свет, но в полумраке всё же можно было разглядеть очертания.

Открыв коробку, он почувствовал аромат.

В темноте не было видно, что это за еда, но он понял, что это была миска каши с лёгким запахом османтуса, ещё тёплая.

Дуань Юньшэнь взял ложку и уже собирался есть.

«Ворон» не смог сдержать недовольства:

— Не боишься, что она отравлена?

Дуань Юньшэнь на мгновение замер, посмотрел на человека напротив.

«Ворон» поднял бровь, словно спрашивая.

Дуань Юньшэнь открыл рот, затем закрыл, словно обдумывая что-то.

Он снова открыл и закрыл рот, повторяя это несколько раз, пока не нашёл подходящие слова:

— Что с твоим голосом?

«Ворон» помолчал, затем спокойно ответил:

— Простуда.

Говоря «простуда», он думал: «Мы виделись всего пару раз, а ты уже запомнил мой голос? Даже такие мелкие отличия можешь заметить?»

Человек, который пришёл, конечно, был не Ворон, а Цзин Шо.

В первой половине ночи Цзин Шо столкнулся с великой вдовствующей супругой Сюй из-за

клеветы, и ему не следовало покидать дворец во второй половине ночи.

[Отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16211/1455852>